

Всеволод БАШКУЕВ

ЭПИДЕМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОКРАИННЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ПЯТОЙ ПАНДЕМИИ ХОЛЕРЫ

(на примере Забайкальской области
и г. Верхнеудинска)

В статье рассматриваются некоторые исторические и геополитические аспекты холерных эпидемий в России в XIX в. Холерная опасность рассматривается не только как геополитический фактор, но и как индикатор степени модернизации окраинных регионов империи.

The article considers some historical and geopolitical aspects of cholera epidemics in 19th century in Russia. The threat of cholera is considered not only as a geopolitical factor, but also as an indicator of modernization of peripheral regions of the Russian Empire.

Ключевые слова:

холера, пандемия, геополитический фактор, медицинский департамент МВД, противоэпидемические меры, изоляция, дезинфекция, холерный барак; cholera, pandemia, geopolitical factor, medical department of the Ministry of the Interior, anti-epidemic measures, isolation, disinfection, cholera barrack.

В XIX в. холера прочно обосновалась на вершине списка особо опасных эпидемических заболеваний, приносящих колоссальный ущерб человеческой цивилизации. Ее выход из древнего эндемичного очага, расположенного в бассейнах рек Ганг и Брахмапутра в Индостане, связывался со стремительным развитием транспортных и торговых коммуникаций, активизацией морского и сухопутного сообщения с Индией, борьбой европейских держав за новые рынки сбыта и колонии, а также с войнами, ни одна из которых в XIX столетии не обошлась без эпидемии холеры¹. В истории холеры отмечают 7 больших пандемий, последняя из которых началась в 1961 г. и продолжается по сей день. Эпидемия в Гаити, разразившаяся после разрушительного январского землетрясения 2010 г., еще раз продемонстрировала опасность этой болезни и уязвимость человека, так и не сумевшего победить холеру даже в XXI веке — в эру антибиотиков и санитарной грамотности. Седьмая пандемия по своей интенсивности и охвату при распространении по континентам превышает каждую из шести предшествующих².

Изучение холеры и ее возбудителя послужило основой для сближения медицины и микробиологии в России и связано с именами таких русских ученых, как Н.Ф. Гамалея, Д.К. Заболотный, И.Г. Савченко, а также основателя иммунологии, Нобелевского лауреата И.И. Мечникова³. Холерные эпидемии заставляли российскую власть принимать противохолерные законы и обращать

БАШКУЕВ
Всеволод
Юрьевич —
к.и.н., научный
сотрудник
Института
монголоведения,
буддологии
и тибетологии
СО РАН
seva91@yahoo.com

¹ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). — М.: Медгиз, 1960, с. 246–247.

² Москвитина Э.А. Современные тенденции в развитии седьмой пандемии холеры // Проблемы особо опасных инфекций, 2008, вып. 95, с. 20–21.

³ Михель Д.В. Становление медицинской микробиологии в России и проблема холеры (1885–1910 годы) // Известия Саратовского университета, 2009, т. 9, вып. 2, с. 11–12.

внимание на санитарно-гигиеническое состояние империи и ее населения.

В 1866 г. международная санитарная конвенция в Константинополе пришла к выводу, что холеру распространяет человек и что она никогда не шла быстрее человека в его передвижениях. Расширяя зону своего геополитического влияния на восток и юг, Россия вместе с новыми территориями приблизилась к историческим очагам холеры. Обрастая новыми торговыми путями, прокладывая железные дороги в зоны своих геополитических интересов, империя создавала новые пути проникновения инфекции, а растущие в ее восточных регионах города с их несовершенной медико-санитарной инфраструктурой представляли собой потенциальные цели для вторжений «азиатской гостьи». Таким образом, холера приобретала черты геополитического фактора и превращалась в индикатор степени модернизации губерний и областей России.

В фокусе данного исследования находится комплекс противохолерных мероприятий, предпринимавшихся администрацией Забайкальской области и города Верхнеудинска во время пятой пандемии холеры в 1884–1893 гг. Первоисточники по этому вопросу находятся в фондах Государственного архива Республики Бурятия и впервые вводятся в научный оборот. Анализ действий администрации по предотвращению эпидемии холеры имеет значение как для микроистории отдельного уездного города, так и в более широком контексте социальной модернизации окраинных регионов империи. Он позволит выявить как уязвимость в локальном масштабе, так и основные тенденции развития медико-санитарного дела и эпидемиологической безопасности в городах России в период расширения имперского геополитического пространства на восток. Кроме того, данный исследовательский ракурс позволяет задействовать геополитический контекст, практически не просматривающийся в большинстве современных исследований истории холеры.

Холера в России в XIX в.: исторический контекст

В течение XIX в. холера вторгалась в пределы России 8 раз (1823, 1829, 1830, 1837, 1847, 1852, 1865 и 1892 гг.). После каждого вторжения следовало несколько холерных лет (от 4–5 до 12–13), в течение которых

болезнь появлялась в разных регионах империи, а также несколько эпидемических волн, происходивших либо от новых заносов инфекции из-за рубежа, либо из сохранившихся с прошлых лет очагов на территории страны. Из 8 вторжений 4 раза холера проникала в Российскую империю с юга. Через Астрахань с ее рыбными промыслами и антисанитарными условиями, в которых существовало малоимущее население, болезнь проходила, как через открытые ворота, распространяясь дальше по Волге. На своем пути холера захватывала наиболее крупные и густонаселенные города, а из них распространялась дальше вглубь страны.

Н.Ф. Гамалея подразделил все города России по степени опасности, которой они подвергались в случае появления холеры, на 3 очереди. 1-я очередь включала города Эривань, Баку, Тифлис, Дербент, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Астрахань, Царицын, Саратов и Самару. Во 2-ю очередь входили все остальные города Поволжья, Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Тамбов, Харьков, Симферополь, Полтава, Херсон и Киев. 3-ю очередь составляли все остальные города России. Города Восточной Сибири не входили в первые две очереди списка, однако это не означало, что они не подвергались опасности эпидемии. Наоборот, активное освоение Дальнего Востока после заключения в 1858 г. Айгунского и в 1860 г. Пекинского договоров между Китаем и Россией открыло Сибирь для проникновения холеры с востока.

Всего по приблизительным подсчетам в течение XIX в. в России от холеры умерло 1 984 049 чел. В борьбе с эпидемиями совершенствовались противоэпидемические меры и складывались эпидемиологические концепции русских врачей, которые, как и все остальное население, несли тяжелые потери от холеры. Царское правительство с конца XIX в. стало принимать централизованные меры по предупреждению распространения в стране особо опасных инфекций. В январе 1897 г. была создана Высочайше утвержденная комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой — Противочумная комиссия, или Комочум. В состав этого особого оперативного органа здравоохранения, наделенного исключительными полномочиями, входили министры внутрен-

них и иностранных дел, финансов, путей сообщения, военный и государственный контролер – высшие чиновники империи. В 1903 г. в связи с эпидемией холеры на Дальнем Востоке полномочия Комочума были расширены: теперь, наряду с чумой, комиссия должна была заниматься и противодействием холере. Кроме того, по инициативе В.К. Плеве для борьбы с чумой и холерой была создана единая система противоэпидемической безопасности, состоявшая из губернских санитарно-исполнительных комиссий, которые к 1904 г. появились во всех областях империи, включая земские губернии¹. В целом, в первые годы XX в. царское правительство приступило к решительной централизации управления здравоохранением, выразившейся в принятии холерного законодательства.

Нормативно-правовая база противохо- лерных мероприятий в окраинных регионах Российской империи (1884–1893 гг.)

Проблемами эпидемической безопасности в Российской империи занимался Медицинский департамент МВД. В начале пятой пандемии холеры, весной 1884 г. МВД подготовило представление «О медико-полицейских действиях для предупреждения и пресечения холерной эпидемии, на случай появления таковой внутри Империи», в котором предлагал губернским и уездным властям целый ряд правил медико-полицейских действий на случай возникновения холерной эпидемии.

Большое внимание уделялось своевременности оповещения населения об опасности заноса холеры, о наилучших способах дезинфекции и правилах индивидуальной профилактики, об условиях приема больных в лечебные учреждения и адресах лиц, к которым необходимо обращаться за помощью. Во время эпидемии от властей требовалось делать ежедневные официальные публикации о ходе эпидемии, смертности, принятых мерах и их успешности, о пунктах оказания помощи и т.д.

В земских губерниях осуществление санитарных мероприятий возлагалось на губернские и уездные земские управы и городские думы, а в остальных губерниях – на местные комитеты общественного

здравия и полицию. Однако поначалу земские и городские самоуправления были практически лишены самостоятельности в деле обеспечения противоэпидемических мероприятий, и полицейско-бюрократические меры потерпели во время эпидемии 1892 г. полную неудачу. В ответ на обременительные для населения действия чиновников и полиции в ряде городов произошли холерные бунты. Видя неэффективность предписанных мер, после 1892 г. имперское правительство специальным постановлением легализовало деятельность земских и городских санитарных комиссий². Множество инструкций было также издано военным ведомством, министерством путей сообщения и министерством финансов. Так, в период временного ослабления эпидемии зимой 1893 г. по регулярным войскам Забайкальской области был издан приказ за № 33 «О мероприятиях на случай холеры» за подписью генерал-майора Мерказина, исполнявшего обязанности командующего, согласно которому областному врачу предписывалось принять меры к обеспечению холерных отделений личным составом из числа военных фельдшеров. Как и в правилах для гражданских властей, военные власти Забайкальской области предписывали немедленно произвести тщательную очистку от мусора и нечистот дворов, участков и зимних помещений, занимаемых войсками, а при первом появлении холеры обзавестись инвентарем для дезинфекции. Участковые врачи и фельдшеры, состоявшие при приемных покоях и лечебных пунктах военных отделов Забайкальского казачьего войска, при первых случаях холеры должны были поступать в распоряжение гражданских властей и формировать в округах летучие отряды³.

Противохолерные мероприятия в г. Верхнеудинске в 1893 г.

Одной из логически обоснованных, но нелепо исполненных противохолерных мер был запрет верхнеудинской городской управы на удобрение частных огородов навозом. В фондах ГАРБ сохранилось коллективное заявление, подписанное главным образом казаками – жителями пред-

² Васильев К.Г., Сегал А.Е. Указ. соч., с. 274–275.

³ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), ф. 10, оп. 1, д. 901, л. 13–15(об).

¹ Там же, с. 65–66.

местья Зауда об отмене данного запрета. В нем они ссылаются на свое ходатайство перед генерал-губернатором Забайкальской области и заявляют, что «без удобрения наземом огородничество не возможно», а «воспрещение занятия послужит к нашему разорению и приведет нас и наши семейства в нищенское положение». В соответствии с предписаниями Медицинского департамента МВД в Верхнеудинске было проведено разделение на участки, в которых были назначены надзиратели. Предместье Зауда было поделено на 2 участка, а сам город — на 8 участков, надзирателями которых были назначены купцы и мешане, а в предместье Зауда — урядники и казаки. Наблюдение за санитарным состоянием было возложено и на полицейских надзирателей: Островского в Заудинском и первых четырех городских участках и Тубанова в четырех остальных городских участках и предместье Поселье на левом берегу Селенги. Полицейским было предписано проводить осмотры только совместно с избранными санитарными надзирателями и с ними же составлять протоколы об обнаруженных нарушениях.

В Верхнеудинском округе наблюдение возлагалось на сельских старост, волостных старшин и заседателей, а также 3 участковых приставов. В крупных селах (более 500 дворов) надзиратели должны были наблюдать за состоянием дворов, улиц, огородов, берегов рек, озер и прудов, и по их заявлениям сельские старосты обязывались немедленно составлять протоколы о нарушениях, которые затем через волостное правление передавались окружному начальнику Галузину. К надзору привлекались и врачи.

В 1893 г. холера обошла Верхнеудинск стороной. Городской администрации не пришлось нанимать врачей, фельдшеров, студентов-медиков и сестер милосердия и нести дополнительные расходы. В городе было назначено 24 санитарных попечителя, которые совместно с полицейскими надзирателями осматривали дома, дворы и колодцы, выискивая нарушения предписанного противохолерного режима.

Заключение

Холера в XIX в. представляла собой

вызов внутренней и внешней безопасности Российской империи. Эта смертельно опасная инфекция стала своеобразным «осложнением» процесса геополитической экспансии России на восток и юг. Это свойство холеры еще не раз проявилось на восточных рубежах империи в начале XX в. (эпидемии на КВЖД и Дальнем Востоке). Каждый раз, приходя в пределы России, холера высвечивала уязвимость имперской государственной машины, демонстрировала обществу и другим державам догоняющий характер российской модернизации.

Однако, несмотря на все это, борьба с холерными эпидемиями неизбежно вела к совершенствованию системы противоэпидемических мер, заставляла ученых глубже вникать в механизм распространения болезни, ее клинические проявления и особенности холерного патогена, открывая новые эффективные способы ее локализации и излечения. Именно во время этой борьбы произошло сближение, а затем и слияние медицины с микробиологией и эпидемиологией. Тогда же медицинская общественность почувствовала свою ответственность за население России перед угрозой опустошительных эпидемий и сплотилась в противостоянии не только холере, но и неповоротливой имперской административной машине. В этом смысле холера, несомненно, сыграла роль катализатора гражданского сознания.

Сегодняшняя Россия находится в поисках своей геополитической роли и места в глобализирующемся мире. Как никогда раньше перед страной встают задачи сохранения и приумножения населения, и проблема эпидемической безопасности нации здесь близко связана с геополитическим контекстом. И хотя в пределах России холера давно не встречается в масштабах XIX в., она отнюдь не покинула свой грозный пьедестал особо опасной инфекции. Она или любая иная пандемическая болезнь снова могут стать серьезным испытанием для российской модернизации. В этой ситуации возрастает актуальность исторических исследований опыта борьбы с холерой.